

МОСКОВСКИЙ КОЛЛЕКТИВ
Москва

21 МАЯ 1985

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

НАПРЯЖЕННАЯ ТИШИНА

ЛАУРЕАТ Государственной премии СССР Б. М. Неменский встретил нас неожиданно сурово.

— Может быть, работать помешали? — мелькнула мысль. Пока мы разглядывали эскизы на стенах и рисунки, Борис Михайлович готовился показать нам большую картину.

— Вам помочь?
Ответ категоричный:
— Не надо!

И вот картина перед нами. Взглянул и чувствую: больно. Картина «Безымянная высота». Потрескавшаяся земля, выпуклая, детально-рельефная, и на ней — двое молодых, совсем юных солдат. Они упали так, как застала их смерть — голова к голове, советский воин и немецкий солдат, все еще сжимающие пальцами металл автоматов, протестующие своей гибелью против войны. Как мучительно, наверное, писать картины, от которых так больно?!

Наверное, как солдат выполняет долг перед Родиной, так художник выполняет свой долг совести — пишет то, о чем болит душа.

Борис Михайлович первым нарушил паузу, и теперь уже сам предложил помочь ему. Вместе устанавливаем тетраптих «Судьбы» и затем — несколько его вариантов, в каждом из которых своя интонация, но тема общая — боль одиноких женщин. И опять здесь война, вернее, ее следы. Вот женщина-девочка в центре. Она смотрит прямо, протянула к вам руки. И видно, что эти руки очень-очень устали. И глаза — слишком печальные для такого доброго, мягкого лица. Рядом огрубевшая женщина. Ее большие и сильные руки сейчас бездействуют, взгляд исподлобья. Еще одна женщина, задумалась-запечалилась, не то плачет, не то смеется, она еще надеется на счастье... И все же фон этой картины — теплый, красновато-коричневый. Может быть, это надежда, пусть для следующих поколений?

А художник уже достает бесчисленные папки с эскизами и набросками, которые он делал в общежитии одной из московских фабрик. Порой среди лиц мелькали уже виденные — прототипы картины «Судьбы».

— Борис Михайлович, — спрашиваю, — а вот на эскизах они, ваши женщины, не совсем такие, как на картине... Ну, спокойнее, что ли.

И — как выстрел — ответ художника, прозвучавший с необычайной интонацией убежденности в своей правоте:

— Искусство — не зеркало! Искусство — увеличительное стекло!

И в другой, аналогичной ситуации он уточнил:

— Это — вопль! Это — призыв!

Вот еще одна картина, «Солдаты». Опять тема войны — бойцы окружили маленькую девочку, найденную ими в сумерках холодного поля неподалеку от сожженной, только что отбитой у врага деревни. Они, видевшие смерть совсем близко, остановились перед светловолосой, будто свечечка в этой мрачной степи, девочкой, которую необходимо сберечь, а сейчас — срочно согреть и накормить. Рядом с этой картиной хочется говорить шепотом.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ институт патриотического и интернационального воспитания молодежи (при ЦС Педагогического общества РСФСР) объединяет деятелей науки, культуры, педагогики, работающих в самых различных организациях, но связанных общей заботой воспитания молодежи. Поэтому закономерно, что в канун 40-летия Победы пришли они к художнику, пишущему о войне.

И еще один аспект деятельности Бориса Неменского интересовал гостей. Дело в том, что уже долгое время занимается он составлением новой программы для школьников по рисованию и внедрением ее в жизнь. Пришедших волнует, в частности, что в эстетическом образовании современной молодежи подчас встречаются пробелы. Например, просьба назвать

несколько фамилий художников и их картины порой затрудняет даже студентов. Увы, таковы данные анкетирования. Вообще-то это вопросы на эрудицию, но факт заставляет задуматься.

Борис Михайлович рассказывает о своей программе художественного воспитания, которая уже применяется в некоторых школах, о том, как важно гармоническое развитие современному человеку. Гости согласны с художником, но тот опять неумолим:

— Быть согласным — мало! Надо бороться за широкое внедрение искусства в жизнь!

Перед нами — картина «Подсолнушек». Кисточка в руке у девочки взметнулась вверх, да так и остановилась, другая рука тоже замерла, по-детски приподнята. Девочка удивленно и даже чуть испуганно разглядывает свой рисунок. Очевидно, получилось что-то, взволновавшее ее. Вот оно, зримое волнение молодой души от радости самовыражения! Именно за это и борется Неменский-педагог.

И рядом еще две картины — «Стихи» и «Тишина». Так они и стоят вместе, как бы представляя еще одно направление в творчестве Неменского. Нежное девичье лицо. Книга. Удивительное состояние, когда смотришь на картину! Слово наигрывает милая мелодия.

«Тишина» известна многим по репродукциям, неоднократно выставлялась. Спящие мать с младенцем. Покой, тишина. Эти три картины — как три символа. Все ясно, чисто, возвышенно.

— Борис Михайлович, — раздается вопрос, — а какая из ваших картин вам наиболее дорога?

— Из своих детей мать больше любит того, кто чаще болеет, кому бывает труднее остальных. Для меня, пожалуй, дороже картина «Судьбы».

Нелегко было и со многими другими картинами. Вот, например, о «Безымянной высоте» кое-кто говорил: «А правомочно ли изображать немецкого солдата, то есть врага, так же, как и нашего?».

Жизнь решила споры; картина получила признание среди зрителей.

И картина «Дыхание весны» (она находится в Третьяковской галерее) — тоже в свое время раздражала некоторых критиков. Мол, этот молодой солдат на привале, напряженно привставший с земли, слушает то ли песню соловья, то ли шепот цветущих подснежников... Так ли надо показывать воина-победителя? Целая дискуссия была по этому поводу. «Дыханием жизни, преодолевшей смерть» — так назвал картину К. Симонов.

— В становлении моего мировоззрения, — рассказывает Б. М. Неменский, — большую роль сыграл К. Симонов. И, конечно, грозным учителем была война.

ВОЙНУ бывший учащийся художественного училища и затем студии имени Б. М. Грекова Борис Неменский прошел военным художником — от Великих Лук до Берлина. Здесь получил он впечатления, которые сформировали его как художника-мыслителя, художника-воина. И поэтому вновь и вновь возникает в его творчестве военная тема.

В конце встречи он показал нам написанную к 40-летию Победы картину «Память Смоленской земли». На желтых досках деревянного стола лежат пробитая солдатская каска, а рядом — треснувший печной горшок, выкопанные почти осызаемо — хочется потрогать. Мирное и военное железо, ржавое, хутовое. А вот мысли эти простые символы вызывают сложные.

Уже уходя из мастерской художника, я разглядел в передней железную перекладную для занятий спортом и рядом — боксерскую грушу. И еще раз мелькнуло в сознании слово, с которым навсегда связалось для меня имя художника Неменского. Бо-рець!

Д. ХАНИН.

200